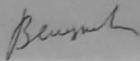

Уважаемые товарищи, сотрудники полярной станции
"Мыс Стерлигова"!

В будущем году исполнится 50 лет со дня трагедии, случившейся на мысе Стерлигова. Я тогда работал радистом на полярной станции. Возможно, Вам интересны будут мои воспоминания о случившемся. В них все правда. Из последующих лет, да и совсем недавних многое забыл, а вот юношеская память оказалась крепкой, хорошо помню подробности, фамилии. А чего-то скрывать или приукрашивать нет необходимости, тем более по прошествии стольких лет.

Желаю Вам крепкого здоровья, бодрости, спокойствия и доброжелательности на станции. У нас в 1943-1944 гг. "главсевморпутские" зимовщики были одной семьей, дай Бог везде бы так.

Всего Вам доброго.

Л. Венцовский.

23 ноября 1993 г.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ НА МЫСЕ СТЕРЛИГОВА В 1944 ГОДУ

Л.Э.Венцовский

В сентябре 1944 г. личный состав полярной станции "Мыс Стерлигова", за исключением одного человека, был захвачен в плен десантом с немецких подводных лодок. По этому поводу имеется ряд публикаций, в которых, однако, на мой взгляд как участника событий, существенно искажается фактическая сторона дела. Сразу скажу, что в публикациях полностью игнорируется позорная роль

поста СНИС (службы наблюдения и связи) Карской военно-морской базы, располагавшегося на м.Стерлигова и преступно проспавшего (буквально!) высадку фашистского десанта; безосновательно возлагается вина на сотрудников Главсевморпути.

I

На полярную станцию "Мыс Стерлигова" я попал в качестве радиста в июле 1943 г. ^{I)}. В это время на м.Стерлигова работали: от Управления полярных станций (УПС) Л.М.Поблудзинский - начальник полярной станции и одновременно радист и механик; Д.С.Марков - метеоролог; от Управления полярной авиации (УПА) - Г.В.Бухтияров - начальник аэродрома. На станции временно (в 1943 г.) базировались два гидросамолета - морские истребители "КОР-ы" с экипажами летчиков В.В.Малькова и М.В.Теймана. Я прибыл на станцию на ледокольном пароходе "Г.Седов" вместе с метеорологом А.М.Марковой - женой Д.С.Маркова, и их маленьким сыном. Мы ехали вместе с личным составом вновь учрежденного поста СНИС: старшим краснофлотцем Д.Корельским (командир поста), краснофлотцами С.Контевым и К.Ершовым.

I) В 1941 г. я окончил в Москве 8-й класс средней школы и в начале войны вместе с другими старшеклассниками был направлен райкомом комсомола на оборонительные работы. Был противотанковым рым и охотником в Орловской области и на дальних и ближних подступах к Москве, осенью 1941 г. во время бомбардировки потерял левую руку. В 1942 г. мне, несмотря на потерю руки, удалось поступить в училище связи, которое я окончил весной 1943 г. радистом-оператором. Затем я поступил в систему Главсевморпути.

Коллективы сотрудников Главсевморпути и поста СНИС сначала жили дружно, питались вместе, совместно проводили хозяйственные работы. Но уже к концу навигации 1943 г. начали возникать конфликты по поводу халатного несения постом СНИС дозорной службы. В конце навигации Л.М.Поблодзинский вынужден был сообщить в штаб моропераций (А.И.Минееву) об отсутствии службы наблюдения за морем со стороны поста СНИС и просил поставить об этом в известность командование Карской военно-морской базы. Ответа не последовало (связь поста СНИС с командованием осуществлялась через радию полирной станции и по ее шифрдокументам).

Наступила зима 1943-44 г., море замерзло, дозорная служба не велась. Конфликты по этому поводу прекратились. Зимовка прошла нормально.

(Весной 1944 г. метеоролога А.М.Маркову в связи с беременностью вывезли, к счастью, вместе с сыном на Диксон, а затем на Большую землю). Но с началом навигации 1944 г. ситуация с несением постом СНИС дозорной службы повторилась, несмотря на тревожные радиogramмы о повышении активности вражеских подлодок в Карском море. Л.М.Поблодзинский опять был вынужден несколько раз обращаться к А.И.Минееву и к Н.Н.Стромилову (тогда начальнику связи западного сектора Арктики) с сообщениями о невыполнении постом СНИС служебных обязанностей и с просьбой поставить об этом в известность командование. Реакции по существу по-прежнему не было. Помнится, правда, была одна радиogramма начальнику поста с требованием усилить наблюдение за морем. Мы, сотрудники Главсевморпути, старались сами вести наблюдение за морем, но у нас для непрерывного наблюдения было мало просто физических возможностей.

Г.В.Бухтияров был постоянно занят поддержанием в готовности взлетно-посадочной полосы (в чем остальные ему по возможности помогали) и причала на реке Ленивой. Метеорологу Д.С.Маркову и мне,

радисту, особенно доставалось. Дело в том, что во время навигации требования на метеосводки не ограничивались обычной регулярностью четыре раза в сутки. С Диксона постоянно поступали запросы на ежечасные метеосводки с пометкой "авиа". Их приходилось давать по

несколько суток подряд - даже до 4-х суток без перерыва. Спать в течение нескольких суток приходилось урывками, Д.С.Маркову - между ежечасными метеонаблюдениями и составлением сводок, мне - между ежечасными сеансами связи. Кроме того, по несколько суток подряд рация выполняла требования на дачу пеленгов для кораблей и самолетов - помнится, каждые два часа.

Начальнику станции Л.М.Поблудзинскому приходилось все время обеспечивать хозяйственную жизнь станции, в том числе бесперебойное энергоснабжение, постоянный уход за пришедшим в ветхость ветродвигателем. Короче говоря, коллектив станции крутился, как белка в колесе. Военнослужащие поста СНИС в это же время, немного помогая в хозяйственных работах, свои прямые служебные обязанности не выполняли. Я ; ————— ; могу припомнить вообще лишь два-три случая, когда кто-то из поста СНИС непродолжительное время наблюдал за морем.

Наконец, в августе 1944 г. на судне "Норд" прибыла смена поста СНИС. (Не могу сказать, были ли причиной смены обращения к командованию базы или же это была плановая смена). В новый состав поста входили: старшина 2-ой статьи В.Уткин - командир поста и краснофлотцы Н.Кондрашов и Н.Ногаев. На вооружении нового состава поста были автомат, винтовки и ящик гранат. Начальнику команды, прибывшей на "Норде", мл.лейтенанту В.Пельх было рассказано (Л.М.Поблудзинским) о поведении сменяемого состава поста и высказана просьба сделать внушение новому составу поста с требованием неукос-

нительного несения дозорной службы, что и было им сделано. Однако в период смены старый состав успел "обменяться опытом" с новым. Последний, видимо, хорошо усвоил этот "опыт", поскольку наблюдение за морем велось, дай бог, если 3-4 дня после его заступления на пост, а потом все пошло по-старому. Не повлияло на такое поведение и сообщение о гибели "Норда", атакованного немецкой подводной лодкой (на котором, как стало известно позже, погибла прежняя смена поста). В ответ на замечания и требования зимовщиков полярной станции командир поста Уткин только посмеивался, заявляя, что он-де недавно с Карельского фронта, а здесь глубокий тыл, можно, мол, и отдохнуть после фронтовых трудов. И вообще, заявлял Уткин, наблюдение за морем - это не ваше дело, занимайтесь своим делом, а в наши не мешайтесь. В этих условиях Поблодзинский в начале сентября вынужден был вновь сообщить на Диксон о продолжающейся бездеятельности поста СНИС. Однако ответа опять не последовало.

В выдававшиеся незанятые делами минуты мы по возможности сами следили за морем. Но такие возможности, как и в прошлую навигацию, были крайне ограничены: штатные и срочные (авиа) метеосводки, пеленги, поддержание в постоянной готовности взлетно-посадочной полосы и проч. занимали по существу круглые сутки.

В последних числах сентября с Диксона поступило указание проверить прилегающую к станции береговую полосу с целью обнаружения и уничтожения выброшенных морем мин, а также поиска возможных предметов с погибшего судна "Норд". Выполнять это задание отправился на собаках Бухтияров с краснофлотцем Ногаевым; решили обследовать береговую полосу на восток от станции до бухты Ложных огней, примерно в 20 км от станции, где у Бухтиярова - отменного охотника - была складирована промысловая брезентовая палатка и инвентарь. К со-

жалению, были взяты с собой все собаки со станции, т.к. Бухтияров надеялся подкормить их охотой на нерпу, изобиловавшую в бухте Ложных огней.

Этой же ночью немцы напали на станцию. Я жил в помещении радиорубки, соединенной крытым переходом с помещением кают-компаний, где были также комнаты Поблодзинского и Маркова. Метрах в 20-25 находился "авиадомик" УПА, в котором размещался пост СНИС. Практически я не выходил из радиорубки: истекали третьи сутки ежедневных сеансов с подачей метеосводок "авиа", вторые сутки подавались каждые два часа радиопеленг для судов, проводилось прослушивание по специальному расписанию "судовой волны". Кроме того, накануне была получена радиограмма с сообщением, что к нам направляется корабль и что о дальнейшем его следовании будет дополнительное уведомление, указаны добавочные сроки прослушивания. Иногда днем меня подменял Поблодзинский и удавалось немного отдохнуть. Трудно приходилось Маркову: единственного метеоролога подменять было некому, метеонаблюдения он проводил всегда тщательно, можно сказать, скрупулезно, и поэтому между ежечасными наблюдениями и последующей зашифровкой метеосводок у него для передышки оставались считанные минуты. Нужно отметить, что у Маркова была сильная близорукость, он постоянно носил очки, это мешало ему эффективно следить за окружающей обстановкой; во время последнего выхода к метеоплощадке ничего тревожного он не заметил. Как уже было сказано, на станции не было собак, которые могли бы предупредить о появлении чужих.

К двум часам ночи (кажется, это было 25 сентября, точно не помню) Марков принес мне очередную сводку погоды "авиа". Передавая (после чего "авиа" отменили) ее, я стал подавать десятиминутный пеленг для судов (произвольным набором групп цифр). Только закончил, выключил передатчик и услы-

шал шаги на ступеньках у входной двери рубки. Первой мыслью было, что вернулись Бухтияров и Ногаев; я удивился, почему они так быстро вернулись. Не успел я подойти к двери, как она распахнулась и на меня набросились с криками люди в меховых куртках, сбили с ног, затем поставили лицом к стенке, что-то начали спрашивать. Тут я уловил немецкую речь и понял, что это немцы.

Вскоре привели Маркова и Поблодзинского, затем нас отвели в кают-компанию, где уже были Уткин и Кондрашов в нижнем белье.

Как оказалось, на станцию напал десант с двух немецких подводок в количестве около 50 автоматчиков. Подводные лодки укрывались за небольшим мысом к востоку от станции. Среди немцев был переводчик, как выяснилось позже, один из немецких специалистов, работавших в тридцатых годах по контракту в Советском Союзе. Кроме того, среди них был знающий русский язык латыш, радист по специальности.

Позже я узнал, что пост СНМС (Уткин и Кондрашов) спал; дежурного по наблюдению за морем не было. Немцы захватили их обоих спящими. Автомат и винтовки были разобраны, почищены, детали лежали в масле на столе. Ящик с гранатами был не разобран и находился за перегородкой.

Особо нужно сказать об их поведении в момент пленения, о чем с издевкой рассказывал переводчик: поднятые с коек Уткин и Кондрашов от страха не могли стоять на ногах, они упали на колени и что-то невнятно лепетали.

Затем нас всех поместили в "авиадомике" под охраной автоматчиков. Началась пурга. Поблодзинского и Маркова увели. Когда они возвратились, то сообщили, что немцы требуют передавать штатные метеосводки на Диксон, так как уйти со станции они смогут только после окончания пурги. Поблодзинский согласился потому, что это давало возможность

попытаться как-то сообщить о случившемся. Кроме того, в случае радиogramмы, которая в данной ситуации могла почти наверняка быть лишь по поводу ожидавшегося прибытия судна, можно было хотя бы ценой жизни успеть передать что на станции немцы.

Поблодзинский вел передачи под дулом пистолета латыша-радиста и в присутствии какого-то другого чина. К сожалению, прием на Диксоне вели начинающие радисты, которые не сумели уловить вставившиеся в текст слова: "Мы плену". В один из сроков Поблодзинский предложил попробовать передавать мне, - может быть, мне удастся; однако мой партнер-ученик тоже не понял, стал переспрашивать, за что гитлеровец ударил меня рукояткой пистолета по голове. После этого сеансы связи были прекращены.

В этот же период немцы допрашивали нас, требуя сообщить местонахождение судов, а также код "Метель", употреблявшийся, по их словам, на Новой Земле для шифровки метеосводок. Мы отвечали, что ничего об этом не знаем.

Немцы захватили тома шифровальной книги, шифровальная же таблица была спрятана в тайнике. Но немцы ее не требовали и не искали. Они заявили, что эти шифры давным-давно ими раскрыты. В дальнейшем они взяли с собой один том шифровальной книги, а остальные бросили в радиорубку.

Пурга кончилась, и в это время на станцию приехал на собаках Бухтияров. Он привез тушу медведя. Заслышав лай собак, немцы спрятались, и Бухтияров их не заметил. Так попал в плен и он. (Ногаев остался в промысловой палатке).

Немцы стали увозить награбленное продовольствие на подлодки, всплывшие в бухте напротив станции. Бухтиярова заставили перевозить награбленное на собаках. В это время Григорию Васильевичу

Бухтиярову и удалось бежать. Погнав собак к реке, он оторвался от конвоировавшего его немца и сумел под берегом уйти от выстрелов

конвоира. В дальнейшем ему удалось добраться до промысловой палатки. Со станции его с Ногаевым снял посланный с Диксона тральщик Карской ВМБ. Станцию немцы подожгли, затем разрушили артогнем.

Нас, остальных, доставили на подлодку. Во время нахождения на подлодке опять допрашивали, при этом выводили на палубу и угрожали пропустить на тресе под килем, если мы не дадим сведений о прохождении судов.

Нас привезли в Тронхейм (Норвегия), где поместили в тюрьму. Затем нас повезли в Осло. По дороге к нам присоединили оставшихся в живых после потопления судна "Норд": боцмана Н.Крюкова, младшего лейтенанта В.Пелых, юнгу Геннадия (фамилию забыл) и маячного мастера П.Марчука. Затем мы находились в тюрьмах и концлагерях в Норвегии и Польше. В марте 1945 г. мы были освобождены Советской Армией в районе г.Гдини (Польша).

После освобождения я вернулся в Москву, опять стал работать в Главсевморпути: в 1945-1946 гг. участвовал в восстановлении полярной станции "Мыс Стерлегова" и вновь зимовал на ней вместе с Г.В.Бухтияровым.

Такова фактическая сторона дела. Она существенно искажается в воспоминаниях А.Г.Головки и Ю.А.Пантелеева. По-видимому, авторы не располагали упоминавшимися выше донесениями Л.М.Поблодзинского о деятельности поста СНИС. Как очевидно, авторы не знакомились и с объяснительными записками: Г.В.Бухтиярова, представленной им по возвращении на Диксон в 1944 г., и Л.М.Поблодзинского и моей, представленными руководству Главсевморпути по возвращении в Москву в 1945 г.

Думается, что подчиненные этих флотоводцев скрыли подлинные обстоятельства гибели станции. Пост СНИС оказался целиком в стороне, как бы непричастным к ее гибели.

Эта версия в той или иной форме, с различными оттенками, переходит из одной публикации в другую (см. список литературы).

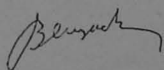
Работы эти содержит ряд неточностей, противоречий, вымысел. Конечно, нет нужды разбирать публикации с этой стороны, поскольку они построены на недостаточной информации. Без же ради иллюстрации отмечу несколько несообразностей. Г.В.Бухтиярова, например, А.Г.Головки называет начальником полярной станции, Ю.А.Пантелеев - начальником радиостанции, В.Чертков - какром, Л. Щипко - старшим краснофлотцем. Плененных полярников на борту подлодки ожидает некий "офицер гестапо", специально отправившийся в рейд для их допроса "на месте" (см. книги А.Г.Головки и Л.Щипко), а у В.И.Аккуратова на зимовку уже символично является штурман-фюрер... Что касается "документальной истории", рассказанной В.И.Аккуратовым, то по сути она является произведением беллетристики, и в этом качестве имеет право на вымысел. Правда, по моему личному мнению, вымысла уж слишком много, в частности, о приключениях Г.В.Бухтиярова. Должен сказать, что Григорий Васильевич во время зимовки 1945-46 г. ничего подобного мне не рассказывал.

К сожалению, мне мало что известно о дальнейшей судьбе упомянутых в этом рассказе. Л.М.Поблодзинский вышел на пенсию, жил в Москве. Д.С. Марков после войны, как и до работы на станции, жил в Ленинграде, работал в землеустроительной экспедиции. (На прежнее место работы, в Арктический НИИ, его не приняли как бывшего в плену). Дальнейшая их судьба мне неизвестна. Слышал, что Г.В.Бухтияров продолжал работать в Арктике и скончался вследствие кровоизлияния в мозг.

В начале 1950-х годов я встретил Н.Кондратова, который жил тогда в Смоленской области, был музыкальным работником. Он сообщил, что В.Уткин осужден на 10 лет заключения за военное преступление, совершенное им как командиром поста СНИС.

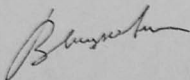
Сам я на пенсии, но еще работаю в одном из институтов Российской Академии наук. Доктор философских наук, профессор. Состою членом Российского Географического общества.

Венцовский Лев Эдуардович

Список литературы

1. Аккуратов В.И. В сводке погоды - SOS // Вокруг света. - М., 1978. - № 6-7.
2. Головки А.Г. Вместе с флотом. - М., 1974.
3. Пантелеев Ю.А. Полвека на флоте. - М., 1974.
4. Чертков В. Далекая земля : (Из арктического дневника) // Правда. М., 1984. - 23 сентября.
5. Щипко Л. Защитники Карского моря : (Хроника военных событий). - Красноярск, 1985.

Дополнение. - После освобождения из плена вся группа полярников, кроме меня, была призвана в армию полевым военкоматом, принимала участие в боях. Довелось несколько дней повоевать и мне, сохранилась на память любопытная бумага.

Суровка

Дана тов Венгерову в плен это
во время войны немцы захватили
гора Горава. Тов Венгеровский из
мемные даны в плен. Это и ок
плен в плен. Это и ок
действительное освобождение
но так как ок во время войны
не удалось вернуть в плен и
ок и плен. Это и ок

В-р
от